

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ТУРКЕСТАНА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Контакты между народами Средней Азии и России укрепились после вхождения этого региона в состав Российской империи. С 70-х годов XIX в. начался наплыв в Туркестанский край переселенцев из центральных областей страны. Причем если первоначально (1867—1883 гг.) это переселение поддерживалось правительством, поскольку отвечало требованиям колонизации окраин, то в течение последующих 20 лет, когда в Среднюю Азию хлынул поток крестьянской бедноты, Туркестанский край официально был закрыт для переселения¹. Однако вопреки запретам наплыв сюда малоимущих крестьян продолжался. Они селились самовольно, создавали поселки и требовали землеустройства. Только после революции 1905—1907 гг. отношение правящих кругов к переселению крестьян изменилось. В соответствии со столыпинским аграрным законодательством, чтобы смягчить остроту противоречий в деревне, предполагалось переселить часть крестьян из внутренних губерний на окраины. Несмотря на то, что в начале XX в. осуществлялось официальное, регламентированное перемещение крестьян в Туркестан, основным как в количественном, так и в качественном смысле остава-

лось самовольное, стихийное их переселение сюда; именно оно определяло в конечном счете отношения между местным сельским населением и русским крестьянством.

Советские историки уже немало сделали в плане изучения переселенческого движения и политики царизма в данном вопросе². При этом подчеркивались прогрессивные последствия переселения русских крестьян в Среднюю Азию³, в том числе влияние переселенцев на местных жителей в области культуры⁴. В меньшей степени изучены последствия переселения в области экономики.

У русских крестьян, переселявшихся в Туркестанский край, с самого начала складывались тесные контакты с сельским коренным населением. Приехавшие должны были прежде всего приспособиться к новым методам ведения сельского хозяйства, особенно к совершенно незнакомому им поливному земледелию. «Им казалось невероятным, что землю, засеянную хлебом... необ-

² Из последних работ по этой теме см. К. П. Ген. Русское население Средней Азии во второй половине XIX — начале XX в. «История СССР», 1970, № 4.

³ Этой проблемой в последнее время специально занимался Л. И. Фомченко (Л. И. Фомченко. Прогрессивное значение образования русских поселков в Ходжентском уезде. Душанбе. 1968).

⁴ См. Ш. Рашидов. Знамя дружбы. М. 1967.

¹ Подробнее об этапах этого процесса см. А. И. Гинзбург. Переселенческий вопрос в Туркестане (конец XIX — начало XX в.). Рукопись канд. дисс. Ташкент. 1966.

ходимо орошать»⁵. Официальная пресса отмечала, что «туземное население Туркестана в сельскохозяйственном отношении стоит гораздо выше нашего русского благодаря и почве, и орошению, и климатическим условиям»⁶. Русские крестьяне имели слабое представление о том, что такое ирригационные сооружения. «Они учились у туземцев и поливать и создавать орошение на новых наделах, расширяя с их помощью существующую сеть»⁷. Русский ученый Н. А. Северцов отмечал, что в район Иссык-Куля переселенцы учились у киргизов орошению, а киргизы у них — «поаккуратнее пахать»⁸. Однако вскоре русские крестьяне освоились настолько, что сами стали сооружать сложные ирригационные системы. Они выбирали из своей среды мирабов (распределителей воды на полях)⁹, которые так усвоили способы полива, что могли работать наравне с местными мирабами¹⁰.

Как известно, местное население в Туркестане издавна выращивало хлопок и для своих нужд и частично для продажи. С конца XIX в. в силу особой заинтересованности русской буржуазии в развитии хлопководства здесь стали проводиться различные мероприятия с целью приобрести переселенцев к выращиванию хлопчатника. В Ташкенте в 80-е годы XIX в. было создано специальное хлопковое хозяйство. На его опытном поле велись посевы различных сортов американского и египетского хлопка. Этот опыт пропагандировался среди местных жителей, им бесплатно выдавались семена и за минимальную плату очищался хлопок¹¹. С целью пропаганды сортов американского хлопка и применения новых для коренного населения приемов обработки почв читались лекции по хлопководству¹². Русские крестьяне с помощью местного населения успешно освоили новое для них дело. Если

в 1909 г. в Голодной степи выращиванием хлопка было занято 9,2%, то в 1910 г.— 38,4%, в 1911 г.— 58%, в 1912 г.— 80% переселенческих хозяйств¹³.

В свою очередь, русские крестьяне знакомили местное население со многими неизвестными им приемами выращивания сельскохозяйственных культур. Дехкане обрабатывали землю омачем, а переселенцы — лемешными плугами. Вскоре некоторые местные крестьяне уже завели плуги, пользовались косами-литовками для уборки сена, стали культивировать картофель и помидоры, занявшие прочное место в рационе питания, начали сеять полтавскую и кубанскую пшеницу, овес, гречиху, сажать свеклу, клубнику, малину¹⁴. Раньше коренное население не занималось заготовкой на зиму кормов для скота, теперь оно стало запасать сено. В практику местных хозяйств проникает каменный каток для молотбы хлеба взамен молотбы с помощью волов. Зерно стали очищать на русских веялках¹⁵.

Благодаря появлению в крае в конце XIX в. складов сельскохозяйственных орудий местным крестьянам стал известен и в какой-то мере доступен усовершенствованный сельскохозяйственный инвентарь¹⁶. Например, только в Самаркандской области количество инвентаря, выписанного местным населением, увеличилось в 1902 г. по сравнению с 1900 г.: по плугам — с 8 по 41; по веялкам — с 11 до 20; по молотилкам — с 4 до 8; по боронам — с 4 до 7; по косам — с 352 до 463; по сенокосилкам — с 7 до 10¹⁷.

Естественно, что эти орудия труда были доступны главным образом состоятельным лицам, остальная часть местного населения пользовалась по-прежнему омачем для обработки почвы, кетменем для бороньбы, серпом (урак) для жатвы, веялками примитивного устройства на мельницах и толчеях. Но все же постепенно в хозяйствах корен-

⁵ Л. А. Перепелицина. Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии. Ташкент. 1960, стр. 12.

⁶ «Туркестанские ведомости», 1907, № 76.
⁷ А. А. Кауфман. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб. 1903, стр. 25—26.

⁸ Б. В. Лунин. У истоков великой дружбы. Ташкент. 1972, стр. 45.

⁹ ЦГА УзССР, ф. И-16, оп. 1, д. 344, лл. 9—11; ф. И-1, оп. 7, д. 249, лл. 2—3.

¹⁰ ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, оп. 261, д. 95/289, 1895 г., л. 87 об.

¹¹ Н. А. Халфин. О движущих мотивах политики России в Средней Азии (60—70-е годы XIX в.). «История СССР», 1972, № 4, стр. 131.

¹² «Туркестанские ведомости», 1909, №№ 9, 76.

¹³ ЦГА УзССР, ф. И-16, оп. 1, д. 344, лл. 9—11.

¹⁴ П. А. Шмачков. О дружбе русских переселенцев и дехкан Туркестана (1867—1917). «Труды» Самаркандского университета имени А. Навои. 1960. Новая серия, вып. 101, ч. II.

¹⁵ ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, оп. 261, д. 95/289, 1895 г., лл. 86—87.

¹⁶ ЦГА УзССР, ф. И-17, оп. 1, д. 31708, л. 15.

¹⁷ К. А. Гафурова. Борьба за интернациональное сплочение трудящихся Средней Азии и Казахстана в первые годы Советской власти (1917—1924). М. 1972, стр. 18; ЦГА УзССР, ф. И-17, оп. 1, д. 475, лл. 71—72.

ного населения все большее распространение получают одноконный плуг, орудия, пропашники для обработки хлопчатника, кося и вилы. Чтобы наглядно показать выгоды применения сельскохозяйственных орудий, имевшихся на складах, управление земледелия и государственных имуществ решило открыть специальную станцию близ Ташкента в имени Капланбек; на ее оборудование был отпущен кредит в 6 700 рублей¹⁸.

Поскольку самовольные переселенцы землю не получали, они вынуждены были арендовать ее у местного населения. «Обыкновенно киргизы сдают русским крестьянам целину, а после первого года урожая киргизы мягкую землю оставляют за собой»¹⁹. Чиновники неоднократно докладывали о неблагоприятном положении в связи со все возрастающим стихийным притоком в край безземельных крестьян. Их пугали отношения, складывающиеся между этими крестьянами и местными жителями. Так, начальник управления земледелия и государственных имуществ в Туркестане сообщал в 1898 г., что беднейшие переселенцы «на новых местах являются не теми желательными агентами, которые могли бы способствовать проникновению русской культуры в туземную среду, но, к сожалению, теми, которые сами нуждаются в помощи тех же туземцев». Далее он отмечал, что «окружающее население зачастую было причиной того, что переселенцы спасли свой скот от голодовки и подняли в данный год больше земли, чем позволяли им силы и средства. Несомненно, отрадно видеть такое дружелюбное отношение туземцев к нашим переселенцам, но было бы отраднее, если бы благополучие переселенцев зиждилось не на случайных пожертвованиях, а на более прочных фундаментах»²⁰.

Царизм стремился посеять антагонизм между русскими крестьянами и местным населением. Разжиганию розни способствовало претворение в жизнь закона 1910 г. об изъятии излишков земли у коренного населения. На изъятых землях устраивали приехавших крестьян. Осуществление закона 1910 г. резко ухудшило положение ко-

чевников-скотоводов, издавна привыкших к экстенсивному ведению хозяйства. Они должны были переходить к оседлому земледелию и обращаться к администрации с просьбой о нарезке им земли²¹. Такое прошение на имя туркестанского генерал-губернатора подали в 1911 г., например, доверенные от 96 юртовладельцев Уч-Курганской волости Аулеатинского уезда²². В то же время местные жители и добровольно переходили к оседлому земледелию по примеру переселенцев. «Сильно страдая от бескормицы и падежа скота и видя наглядный пример русских крестьян, киргизы стремятся перейти к земледелию. Почти все такие киргизы занимаются им, хотя и в небольших размерах, в самых глухих углах уже встречаются посе-вы»²³.

В 1914 г. газета «Туркестанские ведомости» писала: «Под влиянием наглядного примера своих соседей — поселенцев, киргизы (казахи.— А. Г.), видя все преимущества оседлой жизни, мало-помалу начинают тоже склоняться к той мысли, что оседлый образ жизни не в пример лучше. Играет здесь немалую роль и заметное среди киргизов за последнее время тяготение к оседлости»²⁴.

Скотоводство в крае приходило в упадок; местные крестьяне начинали заниматься не только хлебопашеством, но и садоводством, пчеловодством, а также и хлопководством. В официальных документах после 1910 г. все чаще отмечалось: «Чистых скотоводов-кочевников уже, можно сказать, осталось мало... Киргиз уже осел на землю прочно,

²¹ Вопрос об оседании кочевников в литературе освещен довольно подробно. Из работ последних лет см.: С. И. Ильясов. Переход к оседлости и его значение в преобразовании культуры и быта киргизов. М. 1964; Дж. С. Бактыкулов. Очерк истории оседания кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии (с середины XIX в. до 1940 г.). Автореф. канд. дисс. Фрунзе. 1965; Г. Ф. Дахшлейгер. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. Алма-Ата. 1965; А. Турсунбаев. Переход к оседлости кочевников и полукочевников Средней Азии и Казахстана. «Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана». Л. 1973; С. М. Абрамзон. Влияние перехода к оседлому образу жизни на преобразование социального строя, семейно-бытового уклада и культуры прежних кочевников и полукочевников (на примере казахов и киргизов). Там же, и др.

²² ЦГА УзССР, ф. И-7, оп. 1, д. 5142, л. 11.

²³ ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, оп. 261, д. 95/289, 1895 г., лл. 86—87.

²⁴ «Туркестанские ведомости», 1914, № 78.

¹⁸ «Туркестанские ведомости», 1911, № 248.

¹⁹ ЦГА УзССР, ф. И-16, оп. 1, д. 110, л. 253. В документах царских чиновников киргизами обычно называлось все население Туркестанского края. В данном случае речь идет о казахах.

²⁰ Там же, ф. И-17, оп. 1, д. 32702, лл. 86—87.

с каждым годом он все больше и больше учится ценить ее, но весь домашний обиход, весь уклад примитивного экстенсивного хозяйства еще слишком связан с его стадами, кормящими его своим мясом»²⁵.

Местные крестьяне селились среди русских, а русские — среди местного населения, причем, находясь в постоянном общении, они влияли на все стороны жизни и быта друг друга. В этом отношении показателен документ, датированный августом 1910 г. и подписанный военным губернатором Семиреченской области, в котором говорится, что «в последнее время, наряду с заметным тяготением кочевников области к переходу в оседлое состояние и причислению в русские сельские общества, поступают ходатайства крестьян и мещан русского происхождения о причислении их к тому или другому обществу, получающему оседлое земельное устройство... В последнем случае невольно возникает опасение, что незначительное число русских не сможет выполнить свою высокую миссию, но и потеряет стойкость в сохранении своих традиций. Поэтому, если допустить возможность приселения русских людей к оседлым киргизским (казахским. — А. Г.) поселениям, то численный состав приселяемых русских должен быть никак не меньше 50% общего числа оседлых киргизов»²⁶.

Школьный инспектор В. В. Катаринский свидетельствовал, что коренные жители стараются перенимать у русских способ ведения хозяйства, «а также знакомятся с русским языком. Дети и молодые русские тоже невольно усваивают здесь киргизский (казахский. — А. Г.) язык при частых встречах с киргизами. Воздействие поселенцев на киргизов заметно во всем: говорят киргизы теперь по-русски гораздо больше и лучше, начинают сеять пшеницу, чего прежде не было, пользуются русскими сельскохозяйственными орудиями для обработки своей земли, носят даже обувь русскую»²⁷.

Взаимное влияние русских переселенцев и местных жителей сказывалось и в «распространении в садоводстве туземцев и крестьян русских деревень европейских плодовых деревьев»²⁸, и в том, что русские кре-

стьяне научились строить дома из сырового кирпича, и в том, что все агрономические мероприятия, проводимые переселенческим управлением, в той или иной мере оказывали воздействие на хозяйства местного населения. Для демонстрации приемов и методов ведения хозяйств в условиях Туркестана были созданы опытно-показательные хозяйства. В них наглядно пропагандировались минеральные удобрения (суперфосфат), которые позднее стали применяться не только в хозяйствах русских переселенцев, но в отдельных случаях и в хозяйствах местных крестьян. В журнале «Туркестанское сельское хозяйство» за 1906 г. была напечатана статья агронома П. Н. Александрова «Как следует применять минеральные удобрения в Туркестане», которую ходячий уездный начальник Г. С. Лыкошин перевел на узбекский язык²⁹.

В начале XX в. в Туркестане были организованы первые специализированные школы для коренного населения, в которых учащиеся получали агротехнические знания: Куропаткинская школа садоводства, огородничества и шелководства близ Ашхабада, Самаркандская школа садоводства, виноградарства и виноделия и др.³⁰

В процессе общения между крестьянами и коренным населением Туркестанского края возникали взаимопонимание и дружба. Политика, проводимая царским правительством, тормозила укрепление этих отношений. Переселенцам предписывалось вести себя как колонизаторам, не считаясь с интересами коренного населения. Трезвые голоса отдельных представителей администрации края, которые раздавались в защиту интересов коренных жителей, заглушались требованиями помнить, что «русским людям, живущим среди туземцев, приходится, кроме своей личной работы, выполнять также высокую колонизаторскую миссию европейского народа среди совершенно незнакомых с европейской жизнью туземцев»³¹. Однако политика разжигания антагонизма между русским и коренным населением не привела к желаемым результатам. Даже епископ Неофит вынужден был признать, что если в свое время имели место неурядицы первых переселенцев с местными жителями, то «труд помирил их с туземцами»³².

²⁵ ЦГА УзССР, ф. И-269, оп. 1, д. 546, л. 8.

²⁶ Там же, ф. И-1, оп. 13, д. 887, л. 1.

²⁷ Б. Сулейманов. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX — начала XX в. (1867—1907). Алма-Ата. 1963, стр. 205—206.

²⁸ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 12, д. 822а, л. 51.

²⁹ «Туркестанские ведомости», 1906, № 38.

³⁰ Б. В. Лунин. Указ. соч., стр. 46—47.

³¹ ЦГА УзССР, ф. И-18, оп. 1, д. 6852, л. 8.

³² Там же, ф. И-796, оп. 442, д. 1366, лл. 77—78.

Как в русской переселенческой деревне, так и в кишлаках в начале XX в. шел процесс классового расслоения. В некоторых поселках, например, в Сретенском, дифференциация ускорила обезземеливание беднейшего крестьянства³³. Именно в таких поселках пропаганда, которую вели высланные в край политически неблагонадежные лица, попадала на благоприятную почву. Поэтому генерал-губернатор неоднократно ставил перед царским правительством вопрос о запрещении высылать в край подобных лиц, особенно социал-демократов³⁴. Многие переселенцы, особенно самовольные, не сумевшие устроиться, уезжали в города. Они и стали одним из существенных источников формирования пролетариата Туркестана³⁵. Общность положения и классовых

интересов создавали между рабочими — выходцами из местного населения и русскими атмосферу доверия и дружбы. «Сознательная часть русских рабочих шла по пути укрепления братских связей с нарождавшимся местным рабочим классом и оказывала ему посильную помощь в отношении производственно-технического и иного роста»³⁶. Недовольство переселенцев существующим положением находило отклик у коренного населения, и эти факты «подготавливали почву для восприятия в будущем... политической пропаганды»³⁷.

Так, вопреки русификаторской политике царизма объективный ход событий создавал почву для развития дружественных отношений коренного населения Туркестана с русскими переселенцами.

А. И. Гинзбург

³³ ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, д. 126, 1912 г., л. 7.

³⁴ ЦГА УзССР, ф. И-17, оп. 1, д. 31204, л. 4.

³⁵ Подробнее см.: А. И. Гинзбург. К вопросу о пополнении рядов пролетариата в Туркестане за счет крестьян-переселенцев. «Общественные науки в Узбекистане», 1966, № 4.

³⁶ А. С. Гуртавенко. Из истории развития промышленного капитализма и возникновения пролетариата из коренного населения в Узбекистане в конце XIX — начале XX в. Рукопись канд. дисс. Ташкент. 1954, стр. 153.

³⁷ ЦГА УзССР, ф. И-17, оп. 1, д. 31204, л. 4.